

Елена Михалкова

Восемь
бусин
на тонкой
ниточке

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Дизайн серии Екатерины Ферез

Дизайнер обложки Ксения Щербакова

Фото автора на обложке Александр Горчаков

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Восемь бусин на тонкой ниточке / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Елена Михалкова: Читай не отрываясь).

ISBN 978-5-17-099628-5

В загородном доме вдовы собралась необычная компания. Каждый надеется получить деньги выжившей из ума старухи. Семь человек столкнутся между собой в отчаянной схватке за наследство. Один из них притворяется не тем, кто он на самом деле. Второй хочет сбежать, но не может. А третий готовит убийство. Маша Успенская, попавшая в клубок интриг, подозревает, что у этого спектакля есть кукловод. Он перебирает их жизни, точно играет бусинками.

Сможет ли она узнать его до того, как опустится занавес?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099628-5

© **Михалкова Е.И.**

© **ООО «Издательство АСТ», 2016**

ГЛАВА 1

Гости собирались.

Машины одна за другой выезжали из леса, подсакивая и перекатываясь на ухабах проселочной дороги. Чаша неохотно выпускала их: то провезет по крылу корявым сучком, то подбросит на дорогу у самой опушки тяжелую отломившуюся ветку. А переберешься через ветку — разразится вслед издевательским смехом откуда-то с верхушек деревьев: мол, зря проехал, пожалеешь, лучше бы вернулся назад! Уо-хо-хо-хо!

Маша видела, как «лексус» впереди легко перевалил через поваленное деревце. Что ему то деревце! И не заметил, наверное. А она на своей машинке-малютке из тех, что в народе именуют пузотерками, цепляет брюхом на этой глухой лесной дороге каждую шишку.

Маша выбралась из «мазды» и, пыхтя, принялась оттащить корягу в сторону, провожая взглядом машину. «Интересно, кто это из родственников?» Он, конечно, видел, что она остановилась, но и не подумал помочь. Успенская вслух обругала водителя «лексуса» нехорошим словом, и лес снова отозвался глумливым уханьем.

Кто же здесь хохочет так страшно? Маша огляделась. Может быть, филин? Но филины, кажется, ухают только по ночам, а сейчас ясный день. Солнце купается в сочной июньской листве берез, поглаживает лохматые ветки елей, скользит, как белка,

вверх-вниз по сосновым стволам... Кстати, о стволах... Что это мелькает за сосной?

Маша прищурилась, вглядываясь в глубину леса. Но кто бы ни прятался за деревом, больше он не показывался. А идти в чащу, чтобы удовлетворить свое любопытство, Маша не собиралась.

Она вернулась к машине, достала из багажника перчатки и направилась к упавшему деревцу, ощущая спиной чей-то взгляд из густых ветвей.

«Смотрите, смотрите. Думаете, я сбегу из-за какой-то преграды на дороге? Струшу? Нет. Во всяком случае, не сейчас».

Маша рывком подняла ствол, охнув от его тяжести, и оттащила в сторону. Бросила на траву, и под ногами гулко отозвалась земля. А через секунду на голову Маше откуда-то сверху свалился кусок сухой коры.

Она ожидала, что лес опять расхохочется над ней, но вокруг стояла настороженная тишина.

— Вот так, — удовлетворенно сказала Маша Успенская неизвестно кому. И стряхнула с макушки сосновую шелуху.

«Лексус» она нагнала на выезде из леса. Наголо бритый водитель, ругаясь, волочил ствол раза в четыре толще того, через который не смогла перебраться Маша.

Глядя, как он мучается, Успенская испытала приступ доброжелательности к этому лесу. В другое время она обязательно вышла бы, чтобы помочь, но только не после того, как ее оставили одну посреди дороги разбираться с упавшей сосенкой.

Освободив проезд, бритый сел в свой джип и рванул с места, не бросив на Машу и взгляда, словно ее не было. А Успенская, глядя вслед, уже вто-

рой раз подумала, что поездка может оказаться куда менее приятной, чем ей представлялось.

Марфа Степановна стояла на крыльце, словно капитан на мостике, приставив руку козырьком к глазам, и смотрела туда, где зеленое море луга билось о скалы синего леса. Ветер свирепствовал над травами, гнул их, трепал что было силы, но возле леса стихал, запутавшись в сетях еловых ветвей.

Розовые всплески цветов на самом краю поля напомнили Марфе Степановне, что она не засушила ни иван-чая, ни мяты. Олейникова порылась в карманах пестрого фартука и достала маленький блокнотик размером с половину ладони. Из-за уха вытащила замусоленный огрызок карандаша. И микроскопическими, очень четкими буквами вывела: *мята, иван-чай, лист. смор.* Марфа Степановна очень уважала листья смородины в заварке.

Она перевернула страничку, прищурилась, изучая те дела, до которых руки пока не дошли. Что здесь у нее?

Крыш.сар. Ага, крышу сарая работники не перекрыли. Ничего, успеется, там только один угол.

Шершни. Завелись в старой бане, что стоит у самого леса, и гудят там, не смолкая. Войти страшно. Можно, конечно, дождаться холодов и уж тогда извести эту напасть, но, неровен час, кто сунется в баню — покусает.

Вет-нар. На прошлой неделе был ветеринар, осмотрел Зорьку. Можно галочку ставить.

Убийство. А вот здесь галочку ставить рано. Ничего-то еще не сделано...

Старуха насупилась и взглянула на подъезжающие к дому машины. Первым идет огромный, как пароход, черный джип, переваливается на ухабах.

Не иначе, Борис. За ним, подсакивая, бодро чешет по полю красненькая машина, яркая, как мак. А вдалеке за ней осторожно выбирается из леса что-то серое, с крыльца и не разобрать, что...

Марфа Степановна сунула карандашик за ухо, закрыла блокнот. Пошуршала в фартуке, отыскала потайной кармашек, в который и спрятала записную книжку. Не дай бог, попадет в чужие руки.

Первый гость уже подъехал к воротам, и собачонка Тявка выкатилась звонким мячиком под колеса, оправдывая свою кличку.

— Пошла вон! — заорали из машины.

Марфа Степановна ухмыльнулась: точно, Борис. Что ж, пора встречать гостей.

Она неторопливо спустилась с крыльца и пошла навстречу племяннику.

— Здравствуй, Боренька! Тявка, цыц!

От звучного окрика хозяйки собачонка немедленно убралась в сторону и легла, стуча хвостом по земле. Борис вышел из машины, да так и остался стоять на месте, обводя взглядом дом и хозяйство.

«Смотри, голубчик, смотри», — усмехнулась Марфа Степановна.

— Что, давно не был в наших краях? — вслух спросила она. — У меня здесь все малость поменялось за это время.

Борис, хоть и был ошеломлен увиденным, все же отметил эту «малость». Марфа прежде никогда так не говорила.

— Малость, да, — машинально ответил он и спохватился: сначала надо с тетушкой поздороваться, как подобает, а все остальное — потом.

Борис широко улыбнулся и раскрыл объятия:

— Ну, здравствуйте, Марфа Степановна! Рад вас видеть. Соскучился — до ужаса!

Олейникова стояла в нескольких шагах от него, но не спешила падать в объятия племянника. Пришлось Борису самому идти к ней через двор с разведенными руками. Неловко вышло. И паршивая собачонка залилась насмешливым лаем и гавкала до тех пор, пока старуха не зыркнула на нее исподлобья. Взгляда хватило: пустолайка поджала хвост и убралась в конуру.

А Марфа Степановна со спокойным достоинством подождала, пока племянник подойдет, и разрешила обнять себя и поцеловать в сухую загорелую щеку.

— Если соскучился, что ж раньше не приехал? — спросила она. И, не слушая оправданий Бориса (*«дела, тетушка, дела...»*), распорядилась:

— Ступай пока в дом. Вторая комната над лестницей — твоя. Иди, иди. А я остальных гостей встречу.

Вытаскивая сумки из «лексуса», Борис вынужден был признать, что приняли его суховато. Переоценил он силу своего обаяния. Но старуха, старуха-то какова! Держится, как царица. «Сидела раньше у разбитого корыта, не важничала, а теперь поймала золотую рыбку — и все, другим человеком стала», — недобро подумал Борис.

Он вспомнил о подарке, который хотел вручить сразу, поразив тетушку широким жестом. Но, обернувшись, увидел, что во двор уже въезжает красная «мазда». Выходит, и с подарком он опоздал.

Еле сдержавшись, чтобы не выругаться в сторону приехавшей, Борис взбежал на крыльцо и скрылся в избе.

Маша почувствовала неладное еще тогда, когда доехала до развилки. Дорога раздваивалась. Слева километрах в двух виднелись черные домишки, торчащие в поле, словно гнилые зубы — кривые, покосившиеся. Деревенька Зотово, кажется. Ей туда точно не надо. Да и выглядела деревенька даже издалека до того сиро и убого, что Маша по доброй воле ни за что не отправилась бы по левому пути.

Правый рукав дороги взбирался на холм и обрывался возле забора. А за ним виднелся дом — единственный. Успенская даже вышла из машины, разглядывая его, и тихо присвистнула.

«Живу я в избушке, — сообщила Марфа Степановна по телефону. — Можно сказать, в хибаре. На са-а-а-мых выселках!»

Теперь Маша оценила ее юмор.

Двухэтажная бревенчатая «хибара» с мансардой возвышалась на холме, точно крепость. По всему периметру ее окружала высокая ограда. Широоченные ворота гостеприимно распахнуты, а за ними видны сарай, баня, два больших пристроя — то ли коровник, то ли конюшня... Слева от дома густо зеленеет сад, шапки деревьев вздымаются над оградой.

До Маши донесся бодрый крик петуха. Присмотревшись, Успенская разглядела пестрых кур, бродящих по двору.

— Хибара, значит, — пробормотала Маша. — На выселках.

Она села в машину и повернула к холму. Чем ближе подъезжала Маша к дому, тем сильнее ошеломляли ее масштабы увиденного. И когда машина медленно вкатилась в ворота, Маша окончательно осознала, что Марфа Олейникова совсем не та женщина, которую она себе вообразила.

ВОСЕМЬ БУСИН НА ТОНКОЙ НИТОЧКЕ

«Познакомишься со старушонкой, — напутствовал ее Воронцов, когда помогал собраться. — Привезешь гостинцев, пряничков — она и растает...»

Пряничков! С каждой секундой Успенская чувствовала себя все более неловко. У нее даже мелькнула трусливая мысль: из машины не выходить, быстро развернуться и уехать. Машина — последнее укрытие; откроешь дверь — и возможности удрать больше не будет.

Но хозяйка уже шла к ней — без улыбки, сосредоточенно вглядываясь сквозь пыльное лобовое стекло. Маша глубоко вдохнула и открыла дверь. Выпрямилась, напряженно глядя на новообретенную родственницу, начисто позабыв о том, что запланировала небольшую приветственную речь.

Вот, значит, как выглядит Марфа Степановна Олейникова. Да, это не подслеповатая маленькая бабушка, которую нафантазировала Маша.

Худая старуха с раскосыми темными глазами, загорелая до бронзового цвета, словно индеец. Лицо в морщинах — как шляпка гриба масленка, в которую врезались сухие травинки. Если осторожно отделить их от липкой пленки, под ними обнаружатся бороздки, повторяющие изломы стебелька. Такие же изрезали немолодое лицо.

На Олейниковой был длинный льняной сарафан и пестрый фартук, сшитый из разноцветных лоскутов. Цветастый платок на голове завязан, как бандана, сзади под затылком. Яркие глаза, ничуть не выцветшие от возраста, испытующе глядели на Машу. Из-под платка выбивались короткие пряди черных, как смоль, волос.

«Красит волосы», — подумала Маша, и эта приземленная мысль отчего-то немного успокоила ее.

Если красит, то ничто человеческое не чуждо этой суровой, страшноватой, похожей на индейца старухе.

Она осознала, что уже с минуту стоит молча, бесцеремонно рассматривая хозяйку.

— Здравствуйте, Марфа Степановна.

— Здравствуй-здравствуй... Так вот ты какая, Маша Успенская, — протянула Олейникова. Взгляд ее потеплел. — Внучка Зоина, сразу видно.

— Вы ее хорошо знали? — живо спросила Маша.

По губам Марфы скользнула улыбка, она кивнула:

— Хорошо знала. У меня две ее фотографии хранятся в городской квартире. Порода у вас с ней одна, точно под копирку делали: Зойка была тонкая-звонкая, как струна, а по волосам огонь пробежал. Лисья порода, как отец мой говаривал.

Старуха замолчала, задумчиво рассматривая Машу. И вдруг улыбнулась — ярко, озорно:

— А ведь хорошо, что ты приехала, девочка! Перезнакомись сразу со всей родней. Иди-ка сюда, обниму тебя, душа-девица.

Олейникова заключила Машу в крепкие объятия. Потом отстранила, держа за плечи, пытливо заглянула в лицо:

— Устала? Вижу, что устала. Дорога до нас долгая, тяжелая. Ничего, скоро отдохнешь. Знаешь, как спится у меня! Забери свой скарб из машины да поставь ее вон туда, под навес. А потом приходи в избу, покажу тебе твою комнату.

Маша отогнала «мазду», вытащила из багажника спортивную сумку и остановилась, наблюдая за появлением гостей, только что подъехавших на сером «опеле».

Из машины вышли двое: очень полная женщина в сарафане и щуплый человечек в очках и детской панамке. Оба замерли перед избой Марфы Степановны, открыв рты. Из чего Маша сделала вывод, что не она одна оказалась неподготовленной к встрече с реальностью.

Это ее немного утешило.

— Господи, Лена! — ошеломленно сказал мужчина в панамке. — Ты это видишь?

Лена что-то ответила и нырнула в багажник почти целиком. Через пару секунд оттуда полетели пакеты, сумки, коробки в таком количестве, словно «опель» был безразмерным.

— Нет, ты посмотри, — настаивал мужчина. — Помнишь, что здесь было? Лена, это невероятно!

Маша негромко кашлянула, чтобы обозначить свое присутствие. Мужчина обернулся так резко, что панамка едва не свалилась с него.

— Ого! — удивился он. — Здрасьте. Вы кто?

Маша всегда представлялась по частям, как Джеймс Бонд. Знакомясь, говорила: «Меня зовут Маша. Маша Успенская». И замирала, ожидая реакции.

Если новый знакомый радостно восклицал: «О, как певицу Любовь Успенскую!», Маша мысленно причисляла его к духовно несостоявшимся людям. Если же понимающе кивал: «Ах, как писателя Эдуарда Успенского», то Маша понимала, что перед ней интеллигентный человек. Не в полном смысле интеллигентный, конечно... Но хотя бы не поклонник шансона.

«А в наши дни, — думала Маша, — все, кто не поклонники шансона, могут смело называться интеллигентными людьми».

И на этот раз она не изменила привычке.

— Маша. Маша Успенская, — отрекомендовалась она. — Я дальняя родственница Марфы Степановны. Внучка Зои.

— Гена, — извиняющимся тоном сказал мужчина и так осторожно взялся за протянутую руку Маши, как будто боялся обжечься. — Коровкин. Тоже дальний родственник. Вы, случайно, не родственница писателю Успенскому?

Маша сказала, что не родственница, и мысленно поставила напротив фамилии Коровкина галочку в графе «интеллигентный человек».

Из-за приоткрытого багажника высунулась женщина в сарафане.

— А это Лена, моя жена, — с гордостью представил Коровкин.

Маша восхищенно уставилась на нее.

Полнота Лены не была сродни мягкотелости медузы или пышности булочки. В ней чувствовалось что-то могучее, навевавшее мысли о пахоте или сенокосе. Маша легко представила эту женщину, идущую по полю с плугом в крепких сильных руках.

— Привет, — поздоровалась Лена и улыбнулась.

Улыбка преобразила ее, придала мягкости и милоты. Из богини пахоты она превратилась в румяную хозяйку пекарни, что по утрам раздает соседским детишкам свежеиспеченные рогалики. «Да ведь она красавица, — подумала Маша, любясь полнокровным, свежим лицом. — Только совсем не вписывается в нынешние каноны красоты».

— Кто-то уже приехал? — спросила Лена, кивая на черный джип.

— Да... Но я не знаю, кто именно. Я ведь пока ни с кем не знакома, — призналась Маша. — Только видела, что водитель высокий и обрит наголо.

ВОСЕМЬ БУСИН НА ТОНКОЙ НИТОЧКЕ

— Борис, — хором сказали Лена с Геной, переглянулись и рассмеялись.

— Ярошкевич, — добавил Коровкин. — Бизнесмен. Примчался первым, значит...

И снова переглянулся с женой. Маша переводила взгляд с одного на другого. Определенно, одна и та же мысль мелькнула у обоих, и они поделились ею без слов. Но какая?

Повисла неловкая пауза, и Успенская поспешила нарушить ее.

— Невероятный дом, — сказала она искренне. — Такой большой... Я ожидала увидеть избушку и десять соток огорода, а увидела целое поместье. Хорошо, пусть не поместье... Но все же хозяйство меня поразило.

Лена наклонилась к ней и доверительно шепнула:

— Нас поразило не меньше. Мы ведь были здесь тогда, десять лет назад.

— На прошлом дне рождения Марфы, — кивнул Коровкин.

— Ты хотел сказать — юбилее.

— Да-да, юбилее. Троим из нас пришлось спать в палатках, потому что в доме все не поместились. У Марфы была старенькая газовая плита, но готовила она в основном в печи. Боялась, что газ рванет.

— А помнишь, как разрушился сарай? — спросила Лена.

— Развалился практически на наших глазах, — подтвердил Коровкин. — Крыша вдруг прогнулась одним махом, точно на нее сел великан. И провалилась в сарай.

— Только доски торчали наружу.

— Задняя стена сложилась, как спичечная. Треск стоял ужасный!

— А потом завопила Вера Львовна.

Супруги посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Вы, наверное, не знаете, — поспешила объяснить Лена. — Вера Львовна — покойная жена Иннокентия, двоюродного брата Гены. О покойниках плохо не говорят, но Вера была немного...

— Крикливой, — пришел на помощь Геннадий.

— Да, именно крикливой. К тому же ей страшно не понравилось у Марфы Степановны, и Вера постоянно шпыняла мужа, требовала уехать как можно скорее. Ночью ее кусали то ли клопы, то ли комары, а утром она пошла прогуляться по огороду и попала ногой в кротовью нору. После завтрака все отправились на речку, и там Вера порезалась осокой.

— Крику было — жуть! — вставил Геннадий.

— В конце концов, Вера заявила, что единственное безопасное место в этом деревенском клоповнике — это туалет. А туалет у Марфы действительно был сделан на совесть. Конечно, обычная выгребная яма, ничего особенного, но Марфа поливала ее каким-то специальным составом, отбивающим запах, и к тому же он был довольно теплый...

— Потому что находился в сарае, — закончил Гена.

Маша вскинула брови.

— Вы хотите сказать... — осторожно начала она, — что сарай обрушился...

— ...именно тогда, когда в туалете сидела Вера Львовна, — подтвердила Лена, сдерживая смех. — Причем в полной уверенности, что это единственное безопасное место в доме Марфы.

Геннадий согласно кивнул.

— И она вопила, как пожарная сирена. Решила, что случилось землетрясение, и стульчак вместе с

ней вот-вот провалится в тартарары. Досталось, как обычно, бедному Иннокентию, хотя уж он-то ни в чем не был виноват. Просто домишко состарился, вот и начал понемногу осыпаться. Да, здесь была бедность и разруха, не то что сейчас.

Гена покачал головой, снял очки и сразу стал беззащитным, как крот. Маленькие серые глазки подслеповато щурились. Он повел влево-вправо длинным носом, точно принюхиваясь. В детской панамке, нахлобученной по самые брови, Геннадий выглядел так уморительно, что Маша не смогла сдержать улыбки.

— Коровкин, ты чучело, — покровительственно сказала Лена. — На кого ты похож? Над тобой люди смеются.

— Пускай смеются, — невозмутимо возразил ее муж. — Это единственный головной убор, который закрывает лицо от солнца.

— Чучело-чучело, — повторила Лена, посмеиваясь.

Но за насмешкой Маша уловила в ее голосе нежность.

— Не обращайтесь на нас внимания, — сказал Коровкин. — Ей бы только критиковать меня, героя. Между прочим, я нашел сюда дорогу без навигатора! Хотя последний раз был в этом богом забытом месте десять лет назад! Ой, посмотрите-ка, кто к нам пришел.

Пестрая курица, осмелев, подошла поближе. Черный круглый глаз скосила на Машу, подождала — не нападут ли эти двуногие, не схватят ли за перо в хвосте — и начала поклевыывать что-то в траве. За ней потянулись остальные, и вскоре вокруг Маши и Коровкиных ходили, удовлетворенно кудахча, не меньше десятка пеструшек.